

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Ю.Г. Вербальный и иконический компоненты креолизованного текста в интракультурной и интеркультурной коммуникации: экспериментальное исследование: Дис... канд. филол. наук: 10.02.19. Ульяновск, 2002. 171 с.: ил.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
3. Колодная Ю.А. Лингвопрагматические характеристики печатного креолизованного текста киноагонса: на материале немецкого языка: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2006. 205 с.: ил.
4. Онлайн-энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html (дата обращения: 10.02.2011).
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. 239 с.
6. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания, 1996. С. 7-22.
7. Kuppens A.H. English in Advertising: Generic Intertextuality in a Globalizing Media Environment // Applied Linguistics, 2010 / 31 (1). P. 115-135.

УДК 81:378

Кулик Л.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

L. Kulick

Moscow State University

**THE PROCESS OF GLOBALIZATION IN HIGHER EDUCATION
THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND CULTURE**

Аннотация. В статье глобализация высшего образования рассматривается с точки зрения отражения в языке взаимодействия и взаимовлияния образования, экономики и культуры. Образующийся в результате этого синергетический эффект влечет за собой изменение сочетаемости ключевых слов и терминов, функционирующих в рамках каждой отдельной области. Новые коллокации, возникающие на стыке образования, экономики и культуры, позволяют проследить ход трансформационных процессов в рамках единого европейского пространства высшего образования. Анализируются те лексические единицы, которые составляют ядро фреймов, определяющих вектор его развития, такие, как конкуренция, мобильность, инвестиции, язык. Материалом для исследования послужили аутентичные документы, которые предшествовали Болонской декларации и последовали за ней, а также публикации в зарубежных СМИ, представляющие критическое осмысление глобальных изменений в высшем образовании.

Ключевые слова: единое пространство высшего образования, языковая картина мира, языковые компоненты, синергия, фрейм, конкуренция, мобильность, инвестиции.

Abstract. The article views globalization in higher education in terms of the interaction and interdependence of education, economy and culture as reflected in the English and Russian languages. The emerging synergy effect entails certain changes in collocability of key words and terms inherent in each of the above-mentioned spheres. New collocations allow us to trace the transformation direction within single European area of higher education. The author studies the language units belonging to the core of the frames which determine the vector of its development, such as competition, mobility, investment, language. The study is based on authentic materials preceding and following the Bologna declaration as well as publications in the media providing critical reasoning for global changes in higher education.

Key words: single higher education area, language picture of the world, language components, synergy, frame, competition, mobility, investment.

© Кулик Л.В., 2012.

Процесс модернизации российского высшего образования и его интеграции в европейское и, впоследствии, в мировое образовательное пространство, следует рассматривать с позиций синергии образования, экономики, культуры и языка. Каждое из этих четырех полей претерпевает существенные изменения в свете Болонского процесса, их взаимодействие друг с другом характеризуется новыми качествами, а область пересечения всех четырех из них потребует от преподавателей иностранных языков, межкультурной коммуникации и культурологии особого осмысления.

Понимание особенностей трансформационных процессов в сфере образования, экономики и культуры и, что особенно важно, их последующего синергетического эффекта, поможет нам выстроить более полную картину образовательного пространства как ключевой составляющей картины мира. Язык же является самым совершенным инструментом, который отражает, и довольно быстро, все изменения, взаимосвязи и противоречия, свойственные тому или иному периоду развития общества [5, 38]. Выделение базовых лексических единиц, которые формируют понятийное ядро в пределах образовательного фрейма, изучение их частотности и окружающего контекста позволит нам полнее осветить существующую реальность.

В рамках поля «Образование» необходимо, прежде всего, осознавать кардинальное различие в подходах к нему с позиций Болонской декларации и Всемирной торговой организации (ВТО). Подавляющее большинство экспертов, вовлеченных в Болонский процесс, единодушны во мнении, что образование следует рассматривать как общественное благо, которое должно быть доступно и гарантировано для всех (*a public good, a public responsibility, a national or regional responsibility, a human right which is instrumental in the pursuit and advancement of knowledge*) [9, 133]. И особенно важно понимание фундаментальной роли образования как системообразующего фактора культуры. С этой позиции университеты рассматриваются как центры

культуры (*hubs of culture*), которые закладывают нравственные основы общества (*fundamentals of human ethics and human endeavor*) и способствуют его единству (*social cohesion*), они утверждают настоятельную необходимость взаимного познания и взаимодействия различных культур (*affirm the vital need for different cultures to know and influence each other*). Именно высшее образование представляет собой исключительно ценное культурное и научное достояние (*constitutes exceptionally rich cultural and scientific asset*).

С позиций же ВТО, образование рассматривается прежде всего как услуга, т. е. товар, определяемый чисто экономическими параметрами, такими, как стоимость, затраты, качество и пр. (*value, costs, quality*). Как следствие, в сферу образования вторгаются, прочно в ней закрепляются и зачастую начинают доминировать ключевые концепты экономики, как, например, рынок (*market of education services, labour market*), инвестиции (*public and private investment in education*), конкуренция (*economic competitiveness of universities, competitive and dynamic knowledge-based economy*), обеспечение качества и его оценка (*quality assurance, assessment of quality*).

Деятельность ВТО направлена на создание глобального рынка товаров и услуг, на устранение всяческих границ для их перемещения, что влечет за собой такие понятия, как возрастающая интернационализация высшего образования в глобальной экономике (*increasing internationalization*), создание массового рынка образовательных услуг (*massification*) и конкуренция (*toughening competition, growth of competition, to increase the international competitiveness*) [7, 3]. Таким образом, с позиции ВТО, цель создания единого европейского образовательного пространства может быть выражена в терминах экономики – и еще уже – маркетинга, следующим образом: создание конкурентоспособного бренда высшего образования (*a'made in Europe' higher education*) [8, 14].

Индустриальные страны Европы, осознавая реальную угрозу, прежде всего со стороны США, а также появление новых «игроков» на

образовательном поле, таких, как, например, Австралия, Новая Зеландия, Канада, прилагают огромные усилия для того, чтобы не утратить своих позиций. Как известно, всякое слияние в экономике чревато поглощением, при котором партнерам редко удается сохранить паритетные позиции. И рынок образовательных услуг не является исключением, здесь также выигрывает тот, кто проводит экспансионистскую политику. Академическая общественность прекрасно понимает, что «за завесой красивых слов и концепций реализуется наиболее простой тип интеграции, который связан не столько с обогащением систем, участвующих в ней, синтезирующий лучшие особенности каждой из них, сколько включающей более 'слабые' системы в более сильную. Это агрессивный тип интеграции, который вполне можно обозначить термином 'интеграция-захват'» (*hostile takeover*) [3, 7].

На реальность такой угрозы указывает тот факт, что многие страны относятся весьма настороженно к продвигаемой ВТО политике в области образования в контексте Генерального соглашения по торговле услугами. Президенты четырех вузовских ассоциаций Европы, Канады и США приняли «Совместную декларацию по высшему образованию и ГСТУ», в которой однозначно определили свою позицию: «Высшее образование существует для обслуживания общественных интересов и не является товаром широкого потребления» (*not a good of mass consumption*) [6].

Экономисты, занимающиеся проблемами образования, предлагают различать три совершенно разных, но взаимосвязанных понятия: *образование, образовательные услуги и услуги в сфере образования*. Образование в данной триаде рассматривается как «процесс становления и развития личности в процессе ее приобщения к культуре общества, осуществляемое человеком в общении и совместной деятельности с другими людьми» [1, 293].

Подчеркивается, что это прежде всего личное стремление индивида к самосовершенствованию и самообразованию, которое

никаким образом не может рассматриваться как услуга. Образование неразрывно связано с такими понятиями, как общие ценности (*shared values*), принадлежность к единому социальному и культурному пространству (*belonging to a common social and cultural space*), бережное отношение к великой гармонии окружающей среды и самой жизни (*to respect the great harmonies of natural environment and of life itself*). Проникнуться этими понятиями возможно лишь при непосредственном человеческом общении, которое зачастую гораздо важнее, чем новейшие технологии. Образование – это не просто передача суммы фактов, с чем прекрасно справляется Интернет. Это прежде всего умение аргументировать и отстаивать свою точку зрения, что наилучшим образом осуществляется в среде ученых.

Что касается образовательных услуг, то это своего рода внутреннее наполнение процесса образования, которое может быть досконально формализовано с точки зрения передачи знаний, их освоения и контроля. Именно стремительный рост рынка образовательных услуг, их агрессивный экспорт вызывают озабоченность академических кругов. Интеллектуалы понимают, что рынок не обращает внимания на национальную культуру и национальные особенности, он *наднационален*, его цели в высшей степени материальны. Тем самым глобализация образования подчиняет интересы главных агентов данного сегмента рынка – провайдеров, потребителей и менеджеров высшего образования (*providers, customers and managers of higher education*) – единой рыночной логике.

Зарубежные провайдеры образовательных услуг (*foreign education providers*) с удовольствием будут предоставлять некую сумму знаний, но не образование, основанное на национальных культурных традициях. Нет сомнений, что они будут вносить свою культуру в студенческую среду, в которой, как известно, необходимая степень критического осмысления достигается лишь на старших курсах.

С позиций дихотомии образования и культуры, в рамках Болонского процесса,

присутствует противоречие между стремлением к стандартизации, с одной стороны, и декларируемой буквально во всех документах необходимостью сохранять и отстаивать национальное, культурное и образовательное своеобразие (*to take full respect of the diversity of cultures, languages, national education systems and of University autonomy*) – с другой. Вполне естественно, что любое единое пространство предполагает единый код общения, удобный и понятный всем участникам. К сожалению, на образовательном пространстве наблюдается тенденция к установлению не эталонного, а некоего среднего упрощенного стандарта, который приемлем лишь для относительно молодых вузов и, несомненно, послужит для них мощным стимулом к развитию. Понятия равенства и единообразия здесь так же несовместимы, как и в отношении народов, языков и отдельных индивидуумов.

Нельзя не признать также, что единое образовательное пространство дает возможность молодым людям узнать другую культуру и задуматься о ценности своей; ведь очень часто чувство патриотизма возникает у нас лишь вдали от родины. Перемещение в таком едином пространстве будет иметь один несомненный положительный эффект, а именно «формирование “личности на рубеже культур”, умеющей сопоставлять, а не противопоставлять, обобщать, а не разобщать» [4, 14].

Именно в университетской среде происходит формирование интеллектуальной элиты общества, основная задача которой состоит в том, чтобы сохранить мировые достижения культуры и передать их следующим поколениям. Нет сомнений в том, что реализуется эта задача в рамках гуманитарных дисциплин – культурологии, лингвокультурологии, регионоведения, межкультурной коммуникации.

В реальности не только в России, но и во всем мире наблюдается стремление снизить долю гуманитарных наук как в средней, так и в высшей школе. Все более активно продвигается идея, что фундаментом экономики, основанной на знаниях (*knowledge-based econ-*

omy), которая принята за модель развития в глобализированном мире, являются точные науки. К счастью, все больше интеллектуалов понимают, что «в более развитом обществе только экономика может основываться на знаниях, а общество должно вновь опереться на культуру, точнее, на взаимодействие и взаимодополнение культур, неотъемлемой частью которых являются верования, ни в коей мере не сводимые к знаниям» [2, 32].

В контексте единого образовательного пространства осознание своей принадлежности к определенной культурной общности выступает в качестве центропритягательной силы. Именно эта сила способна затормозить процесс пресловутой ‘утечки умов’ и трансформировать его в процесс ‘движения умов’ (*brain circulation*), неотъемлемую составляющую глобального сообщества интеллектуалов. Интересна в этой связи часто цитируемая мысль, высказанная премьер-министром Индии Радживом Ганди: «Better brain drain than brain in the drain» [7, 8].

Что касается России, то здесь еще не создана достаточно комфортная конкурентная среда для выпускников с хорошей вузовской подготовкой, особенно в области технических наук. Тем не менее перелом произошел. В последние годы все больше и больше студентов и выпускников ездят на стажировки, получают магистерские степени за рубежом, но процент остающихся там работать неуклонно снижается. Более того, растет процент репатриатов (*repats*) – наших соотечественников, много лет проживших и проработавших за рубежом, а теперь решивших вернуться. Нередко возвращаются даже те, кто и за рубежом мог бы сделать или уже сделал головокружительную карьеру. Отмечено, однако, что на работу они устраиваются только в международные компании, что, по-видимому, связано с совершенно иным уровнем межкультурной компетенции и корпоративной культуры, приобретенными ими на Западе.

Обратимся теперь к роли иностранного языка на едином образовательном пространстве. Все, без исключения, документы и исследования по Болонскому процессу декла-

рируют его возрастающую, если не ключевую роль. Анализ лексических единиц в рамках фрейма «Язык» позволит нам определить круг проблем, стоящих перед университетами в области языковой политики и наметить пути их решения, как, например: *to offer studies in English; proper provision for linguistic diversity and language learning; to demonstrate sufficient competence in the language or languages of instruction; development of proficiency in languages; diversity of languages; development of transversal skills and competences such as communication and languages; major world languages, proper provision for linguistic diversity and language learning* [9, 138-151].

Таким образом, почва для преподавания иностранных языков благоприятна как никогда. В реальности, однако, наблюдается расхождение между декларируемыми принципами в области языковой политики и тем, как она реализуется на практике национальными министерствами и конкретными вузами, что выходит за рамки настоящей работы.

Интересно, что ни в одном из документов, регламентирующих деятельность европейского пространства высшего образования, и последующих документах не указан конкретный язык. Вместо этого используются такие эвфемизмы, как 'a widely spoken European language', 'a world language', либо 'язык международного общения профессионалов'. Иностранный язык в новом контексте воспринимается как инструмент профессии и требуется для использования в разных сферах жизни общества в качестве средства реального общения.

В такой своей ипостаси он выступает в качестве центробежной силы, поскольку именно эффективное владение иностранным языком дает возможность выпускникам университетов искать работу, соответствующую их самым смелым амбициям, невзирая на национальные границы. Естественно, что такая тенденция побуждает к размышлениям относительно того, стоит ли университетам нести столь большие интеллектуальные и материальные затраты, чтобы в конечном итоге преподнести такого высококвалифици-

рованного специалиста ведущим транснациональным компаниям. Тем не менее, нельзя забывать, что успех выпускников повышает рейтинг учебного заведения, увеличивая тем самым приток финансовых средств.

Ведущие университеты Европы, в частности Германии, Италии и Испании, прекрасно осознают, что интернационализация образования напрямую связана с 'языком международного общения профессионалов'. Как результат, пакеты программ ведущих университетов включают курсы на этом языке (*programmes taught in major world languages*). Университеты прилагают максимум усилий, дабы всячески расширить спектр предлагаемых услуг на том языке, который становится необходимым условием признания его международного статуса – английском (*to broaden and enrich the range of courses in English*). С этой точки зрения пример экономического факультета университета Боккони в Италии представляет значительный интерес. Так, за последние 3 года там было разработано 14 программ на английском языке, в основном в области экономики, бизнеса, финансов, менеджмента и управления рисками.

Все это лишний раз наглядно подтверждает тезис о том, что, если нет привлекательности вне языка, то язык сам по себе не привлекателен. Блестящей иллюстрацией тому может служить область космических исследований, где языком профессионального общения на орбитальных станциях является русский.

Таким образом, изменения, которые произошли на едином образовательном пространстве, неизбежно отразились в самих подходах к иностранному языку и, в частности, в лексике языка. Обращает на себя внимание тот факт, что новые тенденции, возникающие на этом пространстве, обсуждаются, в основном, в терминах экономики. За каждым таким термином прослеживается взаимоотношение образования и потребностей современного мира. Во многих работах экономическая терминология превалирует, отодвинув на периферию те языковые единицы, которые отражают суть самого образовательного процесса. Совершенно очевидно,

что в данном случае мы наблюдаем концептуальную интеграцию (*conceptual blending*), что влечет за собой преобразование смысла в новом когнитивном контексте и, соответственно, позволяет по-новому интерпретировать ситуацию и находить новые решения [4, 114].

Особенно интересным с данной точки зрения представляется новый образовательный контекст термина 'competition' и его производных, который даже при беглом взгляде является чрезвычайно частотным. Его анализ дает нам весьма примечательную картину в университетах «старой Европы». Они, прежде всего, выступают как оплот против рыночных сил и законов конкуренции (*are determined to hold out against market forces and the laws of competition*); защищены от конкуренции такими вещами, как традиция, национальная гордость и язык (*shielded from competition by such things as tradition, national pride and language*). Конкурентными в новом контексте становятся дипломы. Так, например, континентальные университеты всячески стараются принизить британские годовые магистерские степени, считая их легковесными (*decry Britain's one-year taught masters' degrees as lightweight*). А те, несмотря ни на что, остаются в высшей степени конкурентными (*the truth is that they are highly competitive*). И, наконец, если бизнес конкурирует за рынки капитала и товаров, то университеты – за самых умных и лучших студентов по обмену (*Universities are beginning to compete for the brightest and best exchange students*) [10, 38].

Интересно также рассмотреть концепт «мобильность» в рамках фреймов экономики и образования. С позиций экономики, побудительным стимулом к мобильности трудовых ресурсов является стремление к получению либо более высокой оплаты своего труда, либо вообще какой-либо оплаты за свой труд, либо к реализации своего потенциала, не востребованного на прежнем месте. В случае студенческой мобильности возможность участия в программах академической мобильности (*to participate in mobility schemes, mobility opportunities*) позволяет воспользо-

ваться преимуществами различных систем Европы (*to benefit from the diversity of Europe's educational systems*), добиться признания полученных навыков (*mutual recognition of skills*) и, в конечном итоге, добиться более широких возможностей трудоустройства (*higher employability rate*).

В заключение необходимо обратиться к такому ключевому концепту экономики, как «инвестиции». Что касается образования в индустриально развитых странах, то первый опыт резкого сокращения его финансирования был осуществлен правительством Маргарет Тэтчер в начале 1980-х гг. Премьер-министру это стоило звания «почетного профессора», которое Оксфорд отказался присудить своей выпускнице. В долгосрочном же периоде политика консерваторов, которая была продолжена и даже усилена при лейбористах, вывела британские университеты на гораздо лучшие позиции, по сравнению с их конкурентами на континенте.

Можно предположить, что политика подталкивает университеты искать и находить скрытые резервы, а правительство, в свою очередь, ищет новые рычаги воздействия на образование. Прекрасно и емко взаимоотношения государства и университетов выразил президент Университета Вирджинии в США: *то, что изначально возникло как 'state institution', в дальнейшем трансформировалось в 'state supported', затем – в 'state assisted', 'state located' и, в конечном итоге, превратилось в 'state annoyed'*.

Тем не менее, несмотря на проводимую правительством политику недостаточного и неэффективного финансирования (*inadequate and inefficient funding*), молодежь прекрасно осознает, что лишь инвестирование в человеческий капитал и непрерывное образование (*investment in human resources and lifelong learning*) является единственной сферой вложения капитала с минимальными рисками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гребнев Л.С. ВТО и российские вузы: от конкуренции к взаимовыгодному сотрудничеству: В сб. «Высшее образование: вызовы Болонского процесса и ВТО». М.: ТЕИС, 2007. 409 с.

2. Гребнев Л.С. Образование: услуга или жизнь? М.: Институт проблем развития ВПО МАДИ (ГТУ), МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 89 с.
3. Миронов В.В. Глобализация высшего образования и Болонский процесс: В сб. «Высшее образование: вызовы Болонского процесса и ВТО». М.: ТЕИС, 2007. 409 с.
4. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 382 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/ Slovo, 2000. 624 с.
6. A Joint Declaration on Higher Education and the World Trade Organisation's (WTO) General Agreement on Trade in Services (GATS). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unige.ch/eua/en/activities/wto/welcome.html> (дата обращения: 20.10.2010).
7. A Survey of Higher Education / The Economist. September. 2005.
8. EU Cooperation in Higher Education. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2003. 16 p.
9. The Bologna Process and its Implications for Russia. The European Integration of Higher Education. М.: REСЕР, 2005. 177 p.
10. Winning by Degrees / The Economist, May, 2007.

УДК 81`23

Смирнов Е.Е., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

РАСПАД ПРАЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

E. Smirnov, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

THE DESINTEGRATION OF THE PARENTAL LANGUAGE: LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются проблемы, связанные с ключевым понятием сравнительно-исторического языкознания – праязыком (языком-основой). Отмечается, что, хотя оно (несмотря на имевшиеся в истории лингвистической мысли попытки от него оказаться) является общепринятым как в специальной, так и в учебно-методической и популярной литературе, вопрос о критериях, позволяющих с достаточной объективностью установить “точку распада”, т. е. эпоху, с которой можно говорить о прекращении времени существования прежде единого языка и начале развития отдельных, восходящих к нему родственных языков, нельзя считать окончательно решённым. Учитывая системно-структурный характер языка, с одной стороны, и его социальную природу – с другой, предлагается, рассматривая данную проблему, разграничивать оба аспекта, принимая во внимание возможность их несовпадения в отдельных случаях.

Ключевые слова: праязык, распад, сравнительно-исторический, родственные языки, Н.С. Трубецкой, лингвистический, социолингвистический.

Abstract. The present paper deals with the problems, that are connected with the key notion of comparative linguistics called parental language (protolanguage). Although in the history of linguistic science there were some attempts to compromise this notion, it remains generally accepted both in scientific and educational literature. But the problem of the objective criteria, that give us the possibility to define the exact period of its disintegration, i.e. the time, when the parental language ceases its existence and the history of the different kin languages begins, is still in many of its aspects unsolved. Due to the systemic and structural character of the language on the one hand, and its social nature on the other, the authors suggest differentiating the two aspects mentioned taking into account a possibility of their non-coincidence in some cases.

Key words: parental language, disintegration, comparative, kin languages, N. Trubetzkoy, linguistic, sociolinguistic.

© Смирнов Е.Е., Хухуни Г.Т., 2012.